

ВОКРУГ **СВЕТА**
11 1975
НОЯБРЬ

В. КОРЯКИН

У ПОСЛЕДНИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ

ПО ЕГО МАРШРУТАМ...

Исполнилось сто лет со дня его рождения и, возможно, 62 года с тех пор, как его не стало. Неизвестно, когда и где он умер, о чем думал в последние свои часы. Но то, что он подарил отечественной географии за короткую свою жизнь, столь велико, что забвения его делам нет и не будет.

Имя его — Владимир Александрович Русанов...

Он впервые посетил Арктику в 1907 году на сэкономленные студенческие гроши, чтобы собрать материал для будущей докторской диссертации. Это было первое возвращение политэмигранта в родную страну после четырех лет раз-

В. Русанов на Новой Земле. Фото из архива Э. Виноградова (предоставлено Государственным историческим музеем.)

луки, напряженной учебы на геологическом факультете Сорбонны. Эта экспедиция была на Новую Землю и заняла почти два месяца. Второе — с товарищем-студентом, и проводником-ненцем — они обходили берега Маточкина Шара. Эти места оставили у него неизгладимое впечатление. «Кто проходил Маточкин Шаром, тот, вероятно, никогда не забудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы... Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными разноцветными горными складками, со снегом и ледниками». Всякое было в этом маршруте — ураганные ветры, туман, льды в проливе и ледники на суше — все то, без чего нет Новой Земли. Русанов в эти месяцы не просто прошел крещение Арктикой — он нашел в себе полярника.

Вернувшись в Париж, он услышал об экспедиции капитана Бенара на Новую Землю и уже не мог оставаться спокойным. Он отправился в Арктику с его экспедицией и вызвался на самое трудное задание — первое пересечение северного острова Новой Земли.

Маршрут к губе Крестовой проходил по узкой горной долине с топким дном и каменными осыпями, с ледниками на склонах, перегорожившими долину в средней части. После этой экспедиции по личному приглашению архангельского губернатора он принял участие в новоземельской экспедиции 1909 года. В дополнение к плану он берет-ся вновь искать удобный проход на Карскую сторону. «Если проход найдется, то промышленное значение будущего Крестового становища возрастет раз в десять. Тот проход, которым следовали мы (с французами в 1908 г. — В. К.), нельзя рекомендовать: для переправы грузов он решительно недоступен — два огромных ледника загораживают его».

Позднее отмечалось, что программа экспедиции была разработана В. А. Русановым. Базовый лагерь был организован в губе Крестовой. Это было ошибкой — лагерь был неподвижным, и для разведки прохода Русанову нужно было уйти от него на шлюпке за 130 верст к полуострову Адмиралтейства. Именно Русанову, так как начальник экспедиции ограничился короткими экскурсиями в районе базового лагеря. В этом «вынужденном» маршруте Русанов впервые нанес на карту десятки новых островов, ледников и заливов. Новому пути к карскому побережью, открытому им тогда, впоследствии было присвоено его имя. Вся официальная часть программы была сделана за 20 дней — из 56 проведенных в полевых условиях.

Власти, снарядившие экспедицию, быстро сообщили, кто был ее подлинным организатором и вдохновителем. И в следующем, 1910 году Русанов возвращается на Новую Землю начальником экспедиции из 16 человек. Официальная программа предусматривает только обследование побережья от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы. Русанов же, помимо этого, предлагает обогнуть на экспедиционном судне «Дмитрий Солунский» весь северный остров Новой Земли. 150 лет назад такое удалось Савве Лошкину. Теперь нужно заново накапливать драгоценный опыт ледового плавания.

Год назад неудачный выбор базового лагеря обошелся Русанову в 130 верст «холостого маршрута». Чтобы не повторять этой ошибки, Русанов с моторной шлюпкой высаживается в Глазовой губе, судно предстоит работать в Архангельской губе, и еще одному отряду — у Панкратевских островов. Судно «Дмитрий Солунский» используется таким образом, как подвижная база, а работы ве-

дутся на трех участках побережья. За 19 дней была выполнена официальная программа.

Но предстояло самое сложное: плавание вокруг северного острова. 12 августа судно двинулось вдоль побережья на север.

По правому борту в разрывах тумана проступали силуэты горных хребтов, рассеянных многочисленными ледниками, спускавшимися в заливы. Время от времени оттуда доносился тяжкий грохот — рушились айсберги. Когда туман поднимался, вырисовывались очертания ледникового панциря, перекрывшего весь север Новой Земли. 16 августа судно было на самом севере, у мыса Желания. 19 августа сделали попытку идти дальше, но скоро уперлись в кромку дрейфующих льдов и вернулись назад. Еще два дня все море вокруг было заполнено дрейфующим льдом. Лишь узкая полоска чистой воды вела на юго-восток, и судно, осторожно постукивая мотором, пошло вперед... Берег за заливом Течений на картах был показан пунктиром. Изменился характер побережья. Спокойные, плавные очертания плато постепенно поднимались в глубь суши, где на него всей своей тяжестью наваливался ледниковый покров. Огромные языки выведенных ледников с обрывами фронтов длинной чередой одна за другой проходили по правому борту.

«...С грохотом обрываются их ледяные утесы, и тогда разверзается глубокое море и на мгновение поглощает их. Широкие волны кругами несутся из kloкочущей темной пучины. Каскады, фонтаны и струи воды бешено взлетают вверх. Белая водяная пыль застилает небо и покрывает собою весь этот летящий, грохочущий хаос».

Несмотря на все ледовые ловушки и другие препятствия, маленькое судно и его мужественный экипаж все дальше и дальше пробиваются на юг. Не хватает карт. Русанов отмечает, что самые точные карты этих мест сняты его другом-ненцем Ильей Выхлой, который и на этот раз сопровождает его в плавании. «Бесконечное число раз рисовал Выхла своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согрелая за лапшой заочеченные руки, Выхла чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов». В честь своего друга и сотрудника Русанов назвал один из ледников его именем. Через пять суток ледового плавания «Дмитрий Солунский» победителем вошел в Маточкин Шар и 9 сентября бросил якорь в Кольском заливе. Самая яркая и успешная экспедиция Русанова была завершена.

На следующий год ему было поручено обследовать участок южного побережья Новой Земли. Сам Русанов считал, что этим «обходом вокруг южного острова должно было завершиться и общее рекогносцировочное обследование всей Новой Земли». Он упорно продолжал совершенствовать организацию и тактику своих экспедиций. Многочисленный экипаж — непроизводительная обуза для подобной экспедиции, да и судно с большой осадкой не лучший вид транспорта — и Русанов выбирает парусно-моторную лодку «Полярная» водоизмещением всего 5 тонн с пятью членами экипажа, включая его самого.

Пассажирское судно доставило их в Белужью губу 8 июля 1911 года, и уже через два дня они вышли в маршрут. На этот раз официальная часть была выполнена за 23 дня, а еще через неделю экспедиция достигла Карских ворот. Здесь их ждала необычная картина.

«Где же те страшные льды, которые в этих мес-

тах столько судов пленили, разбили или обратили в бегство? Впереди, к востоку, расстиралось сверкающее, ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное от льдов Карское море».

Понадобился еще месяц, чтобы завершить наметенный план. Во многих местах Русанов высаживался и совершал маршруты по побережью. Однажды, провалившись на небольшом леднике, он очутился в гроте, промытом талыми водами. С трудом, с помощью геологического молотка он выбрался наружу и... попал в метель.

Еще один полевой сезон в итоге завершился успешно.

И это было его последнее пребывание на Новой Земле, накануне той экспедиции, из которой Русанов не вернулся.

Сейчас, бесстрастно — насколько это возможно — анализируя эти экспедиции Русанова, мы имеем право, говоря академическим языком, выделить тот особый экспедиционный стиль, который можно назвать «русановским»: строгий отбор помощников, наличие двух программ — официальной (минимальной) и личной (максимальной), предпочтение мелкосидящим малотоннажным судам и, наконец, непрерывное наращивание от экспедиции к экспедиции поставленных целей.

И это необходимо учитывать, когда говорят о последней экспедиции В. Русанова, в которой наиболее случайным было ее исчезновение...

НАКАНУНЕ БЕССМЕРТИЯ

Маршруты Русанова на Шпицбергене в июне — августе 1912 года были описаны всего только в двух опубликованных письмах. Кое-что удалось восстановить по отчетам одного из вернувшихся, Р. Л. Самойловича, впоследствии выдающегося советского полярника. И все... Поэтому они всюду описаны весьма неполно и часто неточно. Одни из маршрутов сам исследователь задает совершенно четко: его общее направление — юго-восточное, по сквозной долине, соединяющей побережья острова: «...Наиболее узкое место между восточным концом Бельзунда и Китовым заливом Стур-фьорда». Он выбрал юго-восточное направление, хотя географически короче двигаться строго на восток. Но этот путь перегружен хребтами меридионального простиранья. Но ведь и выбранное им направление было очень тяжелое — по ледникам Паула и Стронга. Почему же не направился он на северо-восток, по долине Челлстрём, свободной от ледников? Ответ, видимо, в том, что описание долины Челлстрём появилось спустя семь лет после русановской экспедиции, а траверс по ледникам Паула и Стронга был пройден русскими геодезистами еще в 1901 году, о чем Русанов, наверное, знал. А целью его похода было не открытие новых территорий, а поиски месторождений угля, и поэтому повторение маршрута не имело принципиального значения. Самое главное, он позволял сберечь время, так как в случае успеха отпадала необходимость продолжительного плавания на судне в окрестных ледовитых водах вокруг южной оконечности Шпицбергена.

Русанов выступил в поход 18 июля и только 21 достиг Стур-фьорда. «Затем я стал продвигаться вдоль западного Стур-фьорда к северу. Путь вдоль этих гористых берегов чрезвычайно интересен, но необыкновенно труден». Здесь Русанов выставил три заявочных столба на участках выхода углей, один из которых был обнаружен в августе 1925 года С. В. Обручевым. В этом направлении отважный исследователь не прошел, по-видимому, и

20 километров, так как «возвращение новым, более северным и чрезвычайно растресканным ледником оказалось в высокой степени опасным». На современных картах этот ледник называется Томсон. Здесь Русанов провалился в трещину глубиной до 100 метров, но удержался на остатках снежных мостов и был спасен спутниками.

Больше в его письмах нет никаких указаний на направление маршрута, но, с другой стороны, абсолютно ясно, что в оставшееся время никаким иным, кроме прежнего, путем он возвратиться не мог. Впервые, движение в северном направлении резко увеличивало протяженность пути (по крайней мере, в полтора раза), а во-вторых, у него не было маршрутных карт этих мест (они были изданы значительно позднее). Общая протяженность маршрута Русанова составила около 150 километров, и его выполнение за шесть суток делает честь любому полевому даже в наши дни. Однако есть все основания считать, что он был пройден в особо неблагоприятных условиях. Русанов пишет, что его люди шли «сначала по жидким моренам, потом по самому леднику». Теперь известно, что ледник Паула, с которого начинался маршрут, в то время начал интенсивно отступать, его конец омертвел и покрывался тонким плащом морен, которые летом превращались в потоки грязи. «Приходилось на перепалах брести по глубокому снегу, полному водой...» — и это наблюдение является точным ориентиром для реконструкции его маршрута.

Плоскостность льда в районе ледораздела ледников Паула и Стронга очень полого, и летом талые воды, насыщающие снега, часто застаиваются в ложбинах и понижениях. (В 1966 году мне посчастливилось пролететь над этим русановским маршрутом на вертолете всего за 20 минут, и все пространство ледораздела было занято салатными пятнами «снежных болот». Все увиденное нами тогда совпало с описаниями Русанова, за исключением ледника Томсона. За истекшие десятилетия его поверхность снизилась, почти лишилась трещин, что в общем вполне соответствует общей тенденции развития оледенения Шпицбергена в наше время.)

Интересно проследить морские маршруты этой экспедиции на корабле «Геркулес». Завершив 5 августа работы на Земле Принца Карла (продолжавшиеся четверо суток, причем только отряд Самойловича дважды пересек остров), «Геркулес» под командованием капитана А. С. Кучина в тот же день перешел в Английскую бухту. В такие сроки это возможно сделать только проливом Фарлансуннет, так как обход острова, учитывая скорость «Геркулеса», занял бы около суток. Однако глубины в этом проливе в наиболее узком месте в низкую воду всего только 3 метра, тогда как осадка «Геркулеса» 2,5 метра, а это уже на пределе безопасности. Наконец, нельзя не учитывать сильные приливно-отливные течения. В наши дни опытные норвежцы проходят узкость у стрелки Сарса даже при самой лучшей видимости с работающим локатором, выполняя ряд сложных поворотов в непосредственной близости от отвесных обрывов ледника Меррей. Вот почему этот пролив можно считать серьезным экзаменом для молодого моряка, и Кучин с успехом его выдержал. Выбирая судно и капитана, Русанов рассчитывал на плавание в сложных условиях побережья, и как судно, так и его капитан оправдали его надежды.

Логично ожидать, что и в своих планах на будущее В. Русанов не предполагал отрываться далеко от берега. «Вполне понятно, почему, — писал он накануне экспедиции, — никогда Амундсену не

удалось бы пробиться через полярные льды у северных берегов Америки из Атлантического океана в Тихий, если бы у него не было этой знаменитой яхты «Йоа», имевшей всего лишь 47 тонн водоизмещения». «Геркулес» был чуть-чуть больше — 63 тонны.

И поэтому, мне кажется, выбор «Геркулеса» и капитана Кучина определялся не требованиями, предъявляемыми работой только на Шпицбергене, а каким-то более дальним замыслом, в соответствии с которым и пошло дальнейшее развитие событий, не предусмотренное ни одной официальной инструкцией...

С переходом через пролив Фарлансуннет связан еще один короткий маршрут В. А. Русанова поперек полуострова Брётгер от Английской бухты в Конгс-фьорд, перевалом в верховьях ледников Брётгер, которым в наши дни пользуются различные экспедиции.

Наконец, на побережье Ис-фьорд маршруты последней русановской экспедиции четко обозначены заявочными знаками на карте, которую доставил в Россию Р. Л. Самойлович. Это окрестности Баренцбурга, бухты Сканс и Йемер, участок побережья от Колс-бухты до Адвент-фьорда. Едва ли эти маршруты где-либо удалялись в глубь побережья. В принципе последний маршрут можно выполнить по сквозным долинам Земли Норденшельда, однако трудно предположить, что эти долины были посещены Русановым. Окрестные горы здесь настолько насыщены каменным углем, что ледники выносят его на поверхность вместе с мореной. Эта необычная картина настолько бросается в глаза, что любой исследователь (тем более геолог-поисковик) отметил бы такую характерную особенность района. В записях Русанова это не отражено никак.

За полтора месяца В. А. Русанов полностью выполнил программу Шпицбергенской экспедиции. На обратном пути он ненадолго посетил Грен-фьорд, откуда отправил в Россию почту и трех человек.

И на том же маленьком «Геркулесе» начинал свой последний поход в ледяные просторы, навстречу гибели и бессмертию.

БЕССМЕРТИЕ

Их искали долго и много и еще больше спорили, где искать... Даже сам Хансен не смог предугадать их решимости и предприимчивости. Лишь через двадцать с лишним лет у побережья Таймыра был обнаружен столб с краткой надписью: «Геркулес» 1913... Потом были и другие редкие и дорогие находки, но никто так и не знает, чем кончилась последняя экспедиция Владимира Русанова. Ему очень много удавалось, и он был слишком колоритной фигурой даже среди полярников, поэтому никто не удивился, когда заговорили, что, возможно, именно он открыл тогда еще неизвестную Северную Землю. Это было бы так похоже на него. Он мог сделать это, потому что был из породы открывателей. И снова глухая завеса неизвестности... Редко-редко скудная информация о находках гидрографов. Опять полоса безвестия... Потом научно-спортивная экспедиция «Комсомольской правды» методично прочесывает острова и побережье километр за километром.

Пока версий больше, чем фактов.

Что же могло произойти с маленьким корабликом и его отважным экипажем в «ледяном погреб» Карского моря в ту черную годину Арктики, когда одна за другой уходили и не возвращались экспедиции Брусилова, Шредер-Шранца и других?

Следы, обнаруженные в двух (возможно, трех) пунктах таймырского побережья, не дают определенного и четкого ответа. В разное время было выдвинуто несколько версий возможного развития событий. Но фактов было так мало, что невольно оставалось слишком много места для фантазии.

В 1914 году сам Хансен высказал мнение, что из-за тяжелых ледовых условий экспедиция Русанова не прошла дальше восточного побережья Новой Земли. Хансен считал, что Русанов пошел в обход Новой Земли, «руководствуясь гибельным, на мой взгляд, расчетом, что этот путь к устью Енисея гораздо легче, чем южный». Но мы сейчас знаем, во-первых, что Русанов успешно пересек Карское море, и, во-вторых, его решение было основано на знании ледовых условий Карского моря. Ошибка Хансена в этом случае (учитывая его знания и опыт) весьма многозначительна, потому что свидетельствует о необычных качествах Русанова как личности и как исследователя, которые не мог предугадать великий норвежец. Именно эта причина не позволяет нам до сих пор разрешить проблему исчезновения экспедиции «Геркулеса». Видимо, уже на самом краю гибели Владимир Русанов предпринял такой шаг, который даже нам, во всеоружии наших знаний, трудно предугадать. И мы должны помнить об этом в попытках наметить направление дальнейших поисков...

Когда были сделаны первые находки, виднейший советский ученый-полярник В. Ю. Визе предполагал следующее развитие событий: «Около берега Харитона Лаптева судно, по-видимому, было вынуждено зазимовать, а может быть, его раздавили льды. Выждав окончания полярной ночи, Русанов и его спутники, очевидно, направились пешком на Енисей... Обнаруженный на острове Попова—Чукчина лагерь был, по-видимому, одной из последних стоянок уже сильно ослабевших путников». Именно эта версия в настоящее время может наиболее обоснованно использоваться в качестве рабочей гипотезы. Она, во-первых, позволяет наметить плавание «Геркулеса» через Карское море, во-вторых, задает общее направление движению пешей партии русановцев по суше. Но...

Действительно, остров Попова—Чукчина остается, на мой взгляд, тем единственным местом, которое можно считать лагерем русановцев, так как, судя по всему, здесь произошла высадка со шлюпки и сортировка ненужного и пришедшего в негодность имущества (патроны, фотоаппарат и т. д.). Но, по моему мнению, здесь нет ничего жизненно необходимого, от которого ослабевшие от голода люди избавляются лишь на пределе сил. Да, даже если это не так, даже если это последний привал обессиленных людей, то отсюда они не ушли бы далеко... Но они ушли настолько далеко, что оказались за пределами поисков и гидрографов, и участников экспедиции «Комсомольской правды». Пешком ли, на шлюпке, но ушли... Впрочем, это только версия, причем одна из многих.

Но если принять ее, то нельзя не остановиться кратко и на предполагаемом открытии В. Русановым Северной Земли.

12 июля 1947 года в заливе Ахматова на острове Большевик (Северная Земля) гидрографы обнаружили странную стоянку — костер, пустые консервные банки... и часть человеческого скелета (правая голень со ступней, часть позвоночника с ребрами, правая лопатка). Еще через несколько дней был обнаружен кусок корабельной обшивки с болтами...

Чей это был лагерь, чьи останки? Ведь Северная Земля была закартирована только в советское время, обо всех зимовщиках было известно в Главсевморпути... Кто он, этот неизвестный, не оставивший никаких свидетельств? Гидрограф А. И. Косой сделал тогда логический вывод — или сам В. Русанов, или кто-то из его спутников. Находки у таймырского побережья он объяснил отправкой матросов Чукчина и Полова на материк с известиями об экспедиции. К сожалению, никаких предметов из залива Ахматова взято не было.

Более того, поиск на местности, предпринятый В. А. Троицким в 1972¹ году, не подтвердил достоверности находок 1947 года. Правда, такая проверка в принципе остается возможной и в будущем. Мало того, такой поиск стоит вести! Мы имеем дело с необычным человеком, который не однажды вызывал удивление современников, и он еще может заставить удивиться и нас...

Но при всем том, а реально ли достижение Северной Земли в 1913 году на судне, подобном «Геркулесу»?

Расстояние от островов Мона до Северной Земли в обычных условиях «Геркулес» одолел бы за трое-четверо суток. Ледовые условия в южной части Карского моря в 1913 году были хорошими, что известно по плаванию парохода «Киректа», на котором находился Ф. Нансен. Пасецкий считает, что в это время для Карского моря в целом были характерны северо-западные ветры, заполняющие льдом его восточную часть. Однако, по-видимому, ситуация на самом деле была иной, так как во время плавания «Киректа» наравне с северо-западными также часто наблюдались ветры южных румбов, отгоняющие лед от берега. Наконец, «Геркулес» имел возможность выйти в плавание несколько раньше, чем это позволяла обстановка в открытом море. Известно, что разрушение ледяного покрова моря начинается с образования длинных прибрежных полынй, сохраняющихся длительное время. В ряде мест этот метод, по-видимому, не устарел и до сих пор, но только для малых судов. Русанов, видимо, не случайно в категорической форме настаивал на приобретении малого судна, ссылаясь на опыт Р. Амундсена во время плавания на «Иоа» по северо-западному проходу. На Шпицбергене капитан «Геркулеса» А. С. Кучин уже доказал свое мастерство в прибрежном плавании, и оба они были не из тех, кто склонен ожидать у моря погоды...

Возможность именно прибрежного плавания раньше не учитывалась, а такое обстоятельство могло иметь решающее значение. С этой точки зрения можно более уверенно предполагать появление «Геркулеса» в районе архипелага Норденшельда не в сентябре, а раньше, где он был затем остановлен ледяным массивом в проливе Вилькицкого. Возможно, в конце августа 1913 года на пороге открытия две замечательные русские экспедиции — русановская и та знаменитая гидрографическая на ледокольных транспортах «Вайгач» и «Таймыр», которая впервые обследовала Северную Землю, — стояли нос к носу на расстоянии нескольких десятков километров, не подозревая о присутствии друг друга. В этом случае значительной разницы в погоде быть не могло, и дальнейшее развитие событий для обеих экспедиций протекало сходным образом. В это время на «Вайгаче» и «Таймыре» отмечались интенсивные ветры южных румбов. «Ветер нам благоприятствовал, он отжимал лед от

берега или от берегового припая, и благодаря этому суда могли идти по каналу», — записал в те дни врач «Таймыра» Скорокадомский. Так или иначе «Таймыр» и «Вайгач», выйдя по каналам в обход массива льдов в проливе Вилькицкого, попали в полосу сильного стокового ветра типа фена (температура поднялась до +18°), отжавшего лед от берегов Северной Земли, что обеспечило им успешное продвижение, завершившееся открытием. Вся эта ситуация в той или иной степени имела место и у западного входа в пролив Вилькицкого. Известно, кто при этом еще имел бы больше преимуществ, так как тактика ледового плавания обеих экспедиций сильно различалась. Так или иначе есть основания считать, что Русанов мог оказаться на Северной Земле.

Разумеется, приведенные оценки представляют только один из нескольких вариантов возможного развития событий, как мы их вправе ожидать.

Реконструкция автором маршрута последней экспедиции В. Русанова.

Поиски следов последней экспедиции В. А. Русанова усиленно продолжают в последние годы. Уже длительное время обследование различных участков таймырского побережья и Северной Земли проводил гидрограф В. Троицкий. Затем к поиску подключилась экспедиция «Комсомольской правды». Пока единичные находки не дали ответа. Но этот поиск не напрасен, потому что с каждым годом круг сужается. Важно вести его дальше, наращивая усилия на перспективных направлениях. Следует тщательно опросить стариков с поселений вдоль Пясины о таинственных пришельцах с моря, проверить возможность движения русановцев в глубь материка, навстречу кочевникам-оленьводам, пройти маршрутом по всем старинным избушкам, показанным на карте в книге Норденшельда издания 1884 года, почти наверняка Русанов пользовался ею. Но надо спешить, потому что время разрушает следы пребывания наших предшественников. Это долгий и трудный поиск, но он оправдан, потому что мы ищем славные и трагические страницы истории отечественной науки, потому что мы в долгу перед теми, кто погиб на краю неизвестного, у последних параллелей планеты.

¹ «Знание — сила», декабрь 1974 года.